

УДК 93(94)

DOI <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2019.29.82>

Обеспечение государственной безопасности приграничных территорий на Дальнем Востоке на рубеже XIX–XX вв.

И. Н. Мамкина

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия

Аннотация. Рассматриваются вопросы обеспечения государственной безопасности на приграничных территориях Дальнего Востока. Актуальность темы обусловлена изменением внешнеполитической доктрины Российской Федерации, началом реализации стратегии «Поворот на Восток». В рамках обновленной стратегии изучение исторического наследия позволит эффективно использовать накопленный опыт. Анализ отечественной историографии показал наличие различных позиций относительно реализации внешней политики Российской империи на Дальнем Востоке на рубеже XIX–XX столетий. Геополитические интересы России в регионе проявились в стремлении к расширению территории на востоке империи, ее экспансии и сдерживании роста китайского населения на присоединенных территориях. В статье отмечено, что для успешного осуществления геополитических интересов Российской империи на Дальнем Востоке оказалось недостаточно социальных ресурсов региона. Сохранение статуса великой державы требовало обеспечения государственной безопасности приграничья, ускорения интеграции региона в общеимперское пространство, создания условий для его социально-экономического развития. В статье акцентируется внимание на деятельности местной администрации в области обеспечения государственной безопасности в приграничных районах. Одним из ключевых направлений деятельности высшей администрации Приамурского генерал-губернаторства становится введение контроля над численностью китайского населения на присоединенной территории. На основе впервые вводимых в научный оборот архивных материалов определен комплекс мер, направленный на закрепление русского присутствия на Дальнем Востоке. Обобщен опыт правотворческой деятельности местных властей по упорядочению въезда, передвижения и проживания китайского населения на территории Дальнего Востока. Установлено, что в рамках обеспечения безопасности приграничной полосы использовался широкий спектр организационных мер, опирающихся на усмотрение местных властей.

Ключевые слова: Дальний Восток, Китай, безопасность, приграничные территории, губернатор.

Для цитирования: Мамкина И. Н. Обеспечение государственной безопасности приграничных территорий на Дальнем Востоке на рубеже XIX–XX вв. // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2019. Т. 29. С. 82–90. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2019.29.82>

В условиях обострения международных отношений Российской Федерации с США и западными державами российская стратегия «Поворот на Восток» смещает акценты и векторы внешнеполитической деятельности к странам Восточной Азии. Учитывая новую концепцию, Дальний Восток

усиливает положение региона, обеспечивающего реализацию геополитических интересов Российского государства.

Вместе с тем конкурентоспособность Дальнего Востока и Байкальского региона в АТР вызывает серьезные опасения. По данным Федеральной службы государственной статистики, в 2000 г. на территории ДВФО проживало 6 913 279 чел.¹, в 2018 г. – 6 126 427² (без учета Забайкальского края и Республики Бурятия). За 18 лет население сократилось на 747 955 чел., т. е. в среднем на 41 553 чел. в год.

Отсутствие развитой инфраструктуры, низкий уровень социально-экономического развития, отток населения обусловили принятие Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона, включающих в себя 12 субъектов Российской Федерации в составе Сибирского, Дальневосточного федеральных округов³. В ноябре 2018 г. Забайкальский край и Республика Бурятия включены в состав Дальневосточного федерального округа.

Отметим, что сложившаяся ситуация отчасти напоминает действия царского правительства на рубеже XIX–XX столетий. С 1884 по 1906 г. Забайкальская область входила в состав Приамурского генерал-губернаторства, что фактически территориально совпадает с современным административным устройством Дальнего Востока. По сути, остались неизменными внешнеполитические задачи и стратегия внутреннего развития региона, что актуализирует данный аспект исторического наследия и представляет научный интерес.

В отечественной историографии дореволюционного периода на основе идеи об особенной роли Дальнего Востока в развитии Российской империи сформировалось два течения. Идеологом одного из них (концепции «восточничества») является князь Э. Э. Ухтомский, видевший будущее России на Востоке. В основе позиции Э. Э. Ухтомского лежала идея об активном экономическом освоении Дальнего Востока, допускалась возможность миграции восточных народов под контролем местной администрации. В работе «К событиям в Китае» автор дает критическую оценку действиям западных держав, отстаивая позицию мирного сосуществования Китая с иностранными державами [9; 10].

Автор «Желтороссии» И. С. Левитов считал «желтую экспансию» опасной и предлагал создать на территории Дальнего Востока буферную зону [2]. По мнению Левитова, заселение зоны должно было сопровождаться установлением российского протектората, русификацией местного населения, переселением крестьян из Центральной России. Левитов и его последователи ратовали за утверждение господства в Азии по правилам европей-

¹ Численность постоянного населения на 1 января (человек) 1990–2013 года. URL: <https://www.fedstat.ru/> (дата обращения: 12.03.2019).

² Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2018 года. URL: <http://web.archive.org/web/20180726010024> http://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/bul_dr/mun_obr2018.rar (дата обращения: 12.03.2019).

³ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 дек. 2009 г. № 2094-р. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902195483>. (дата обращения: 06.03.2019).

ского подхода в отношении к местному населению. Считал опасной «желтую экспансию» и известный русский философ В. С. Соловьев, впервые применивший понятие «панмонголизм» [8].

Необходимо отметить, что ряд положений концепций «восточничества» и «желтой угрозы» нашел поддержку во властных структурах. На фоне ослабления Китая в XIX в. идея колонизации китайских территорий активно обсуждалась и политиками, и военными. Дискуссия о «желтой опасности» подробно представлена в статье профессора В. И. Дятлова [1]. Автор провел анализ позиций ряда общественных и государственных деятелей России в начале XX в., в том числе военного министра генерала А. Н. Куропаткина, члена Государственного совета В. И. Денисова, генерала А. И. Деникина и др. В. И. Дятлов справедливо отмечает, что большинство военных склонялись к созданию буфера из северных территорий Китая, преимущественно заселив их русским населением [1]. Подчеркнем, что экспансия и агрессивно-наступательная линия превалировали во мнениях государственных деятелей.

Таким образом, исходя из позиций властей, общественного мнения, к концу XIX в. формируется представление о геополитических интересах России на Дальнем Востоке. Они проявились в стремлении к расширению на востоке территории империи, ее экспансии и сдерживании роста китайского населения на присоединенных территориях.

Политические события конца XIX в. заставили Китай отказаться от политики уступок. После Японо-китайской войны и Боксерского восстания российская агрессивно-наступательная линия перешла в некоторой степени к оборонительным действиям. Столкновения с китайцами конца XIX в. показали незащищенность российских границ, уязвимость транспортных артерий, невозможность местными силами обеспечить обороноспособность в связи с малочисленностью русского населения в регионе. Российское экономическое и политическое присутствие сохранилось лишь в северной части Маньчжурии. Для успешного осуществления геополитических интересов Российской империи на Дальнем Востоке оказалось недостаточно социальных ресурсов региона. В данном ключе генерал-губернаторы и военные губернаторы областей Дальнего Востока выступают ведущими актерами, обеспечивающими государственную безопасность приграничья.

Вместе с тем, по мнению профессора А. В. Ремнева, у центральной власти отсутствовало четкое представление о роли и значении Дальнего Востока после завершения его присоединения к России [6]. Разрешение противоречий между центром и окраиной, поиск оптимальных путей в обеспечении безопасности приграничной территории в основном зависели от местной администрации. Известный историк И. В. Лукоянов пишет, что местные власти действовали на Дальнем Востоке фактически автономно, даже вопреки позиции центральных властей [3]. По словам автора, между центральными и региональными властями существовала дистанция, препятствующая реализации целенаправленной политики на Дальнем Востоке.

Одно из ключевых направлений деятельности высшей администрации Приамурского генерал-губернаторства заключается в установлении контроля над численностью китайского населения на присоединенной территории.

Приграничье было заселено довольно слабо как в Северной Маньчжурии, так и в Приамурье. Продвижение русских на восток затруднялось отсутствием инфраструктуры, обширностью территории, малочисленностью населения. Со стороны Китая власти закрыли Маньчжурию для иностранного и китайского населения. Отсутствие четкой государственной границы позволяло населению обеих стран мигрировать по приграничной территории.

По сведениям дипломатической части при приамурском генерал-губернаторе, появление русских в первой половине XIX в. на левом берегу Амура принципиально не нарушало интересов Китая. Китай охотно признавал эти места в общем пользовании. Принцип совместного пользования долинами рек Амурского бассейна «вполне естественно и глубоко проник в сознание местных жителей»⁴. В Приамурском крае осели выходцы из Китая – «зазейские маньчжуры». Русское население пользовалось сенокосными, охотничьими, рыболовными и даже пахотными угодьями на правом берегу Амура, заходя вглубь Маньчжурии на сотню верст.

Подписание неравноправных договоров заставило китайские власти пересмотреть принципы пограничного взаимодействия. Организация таможенных постов, сбор пошлины «по общему иностранному тарифу» отразились «неблагоприятно на развитии наших традиционных сухопутных отношений с Китаем», – отмечали российские дипломаты⁵. На границе с Россией впервые появились китайские пограничные караулы.

В сложившейся ситуации дипломаты рекомендовали местной администрации строго разграничить «сухопутные отношения с Китаем ... от морских ... и чтобы они основывались не на принципах международной практики иностранцев в Китае, а на естественном развитии прежних традиций»⁶.

В 1880-х гг. Китай принимает меры по усилению сухопутных границ вдоль Амура и заселению необжитых территорий. В 1878 г. цинские власти отменили запрет на переселение китайцев в Маньчжурию, что способствовало колонизации приграничной территории. В конце XIX – начале XX в. активизировалась деятельность китайских властей по заселению Гиринской и Хэйлуцзянской провинций [4, с. 80–85]. Власти бесплатно предоставляли переселенцам участки земли в приграничной полосе, поселенцев освобождали от налогов на пять и более лет.

Японо-китайская война 1894–1895 гг. и Боксерское восстание несколько отвлекли китайские власти от колонизации Северной Маньчжурии. После ввода российских войск население приграничных территорий Северной Маньчжурии переселилось вглубь страны, однако уже к 1901 г. китайцы вновь появились на правом берегу Амура.

⁴ ГАЗК. Ф. 1-об. Оп. 1. Д. 15500. Л. 2.

⁵ Там же. Л. 4.

⁶ Там же. Л. 2.

Отметим, что события конца XIX в. показали полную незащищенность Благовещенска и близлежащих селений перед военной угрозой со стороны Китая. По этому поводу приамурский генерал-губернатор Н. И. Гродеков писал: «Возвращение маньчжур и китайцев на прежние места их жительства неподалеку от г. Благовещенска, равно как и образование новых китайских поселений ближе 5 верст от правого берега Амура для нас вредно и в высшей степени нежелательно, а в окрестностях поселков Ильинского и Марии Магдалены и вовсе недопустимо»⁷. Гродеков предложил ограничить расселение китайцев на правом берегу Амура в пределах пятиверстной приграничной полосы и запретить расселение в районе поселков Ильинского и Марии Магдалены. Предложение утвердил император Николай II 14 июня 1901 г.

Вместе с тем на противоречивость действий императора указывает отмена прежнего запрета. На сообщение российских дипломатов в 1902 г. о тайном распоряжении цзянь-цзиня Хэйлунцзяна о возвращении китайского населения правого берега Амура на прежние места Николай II повелел «не делать особых препятствий возвращению китайцев на прежние места в 5-и верстной полосе»⁸.

26 марта 1902 г. Россия подписала с Китаем договор о разграничении интересов в Маньчжурии и выводе русских войск «из юго-западной части Мукденской провинции до реки Ляо-хэ с передачей Китаю железных дорог»⁹. В течение последующего года войска оставили часть Мукденской провинции, провинции Гири и Хэйлунцзян. Заметим, что вопрос о территории по правому берегу Амура не обсуждался, в соглашении закреплён не был.

Вместе с тем Амур являлся, по сути, единственным путем сообщения Приамурского края с центром России (до эксплуатации железнодорожных путей). Усиление Китая на правом берегу являлось прямой угрозой безопасности русского населения и грозило парализовать важнейшую транспортную артерию в целом.

По инициативе генерал-губернатора Н. И. Гродекова на правом берегу Амура был сохранён ряд пунктов, занятых русскими войсками. Запрещено расселение китайского населения в «трехверстной полосе против постов по Амуру: Ильинского, Марии Магдалены, Ридде, Мохо, Четвертой пади»¹⁰. В распоряжении относительно поселений говорилось: «Меры эти должны были выполняться без большей огласки, но и без послаблений»¹¹.

К 1903 г. география правобережных пунктов расширилась. По инициативе исполняющего обязанности генерал-губернатора А. С. Беневского список дополнило селение Лохисусу, находящееся в трех верстах от Амура, в устье Сунгари. В Лохисусу располагался пограничный пост, таможенная застава, карантинный пункт, интендантские склады, начиналась телеграфная линия на Сунгари.

⁷ ГАЗК. Ф. 1-об. Оп. 1. Д. 15500. Л. 21.

⁸ Там же. Л. 21.

⁹ Сборник договоров России с другими государствами (1856–1917). М., 1952. С. 324–328.

¹⁰ ГАЗК. Ф. 1-об. Оп. 1. Д. 15500. Л. 21.

¹¹ Там же. Л. 4 об.

Позднее запрет селиться китайцам на правом берегу Амура распространился на места с трудными перекатами: пункт напротив станицы Кольцевой, д. Голоходы (Никанка) и в месте транспортной развязки путей напротив станицы Екатерино-Никольской¹².

Из всех перечисленных правобережных пунктов китайское население проживало лишь в местечках Мохэ и Четвертой пади. Общее количество жителей составляло около 5 тыс. чел. Заметим, что население контролировалось пограничным комиссаром Амурской области, опиравшимся на комендантов ближайших постов и деревенских старост, назначенных из числа местных жителей. Местные власти отмечали, что «возвратившееся население настолько привыкло к русской власти, что за разрешением своих споров, даже по бракоразводным делам, обращалось к комендантам постов»¹³.

В целом вопрос об обеспечении безопасности приграничной территории в начале XX в. решился следующим образом. Вновь прибывшему китайскому населению запретили свободно селиться в пятиверстной приграничной полосе на правом берегу Амура, исключение составили лишь «прежние жители». Деятельность китайской администрации в приграничных фудунтунствах попадала под контроль русского чиновничества, «насколько будет признано возможным русскими властями». Русскими властями осуществлялся надзор за деятельностью китайских и иностранных предприятий в упомянутой приграничной полосе.

По вопросам иммиграционной политики в отношении выходцев из Китая местная администрация столкнулась с проблемой правового характера. По мнению Т. З. Позняк, «иммиграция в дальневосточный регион происходила в своеобразных условиях, что придавало специфику законодотворческой и управленческой деятельности местной администрации в отношении иммигрантов и выражалось в принятии законов, действовавших исключительно на региональном уровне» [5, с. 8]. Действительно, законодательство в сфере иммиграционной политики ориентировалось преимущественно на европейцев. Акты середины XIX в. «О правах пребывающих в России иностранцев» от 7 июня 1860 г., «Устав о паспортах» закрепляли права на получение российского гражданства, на занятие определенным видом деятельности наравне с русскими подданными.

В рамках реализации задачи по заселению края в 1861 г. введены в действия «Правила для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях», закрепляющие определенные льготы за поселенцами, в том числе и иностранцами. Подобное положение не устраивало руководство края. Проекты, направленные на установление контроля за въездом китайских подданных и регулирование нахождения их на территории Дальнего Востока, неоднократно подавались военными губернаторами А. Ф. Фельдгаузенем, И. Г. Барановым, П. Ф. Унтенбергером, генерал-губернаторами А. Н. Корфом, Д. Г. Анучиным. К 1880-м гг. по инициативе дальневосточной администрации законодательство в отношении китайских иммигрантов

¹² ГАЗК. Ф. 1-об. Оп. 1. Д. 15500. Л. 5.

¹³ Там же. Л. 8 об.

ужесточается. В Приморской области в 1885 г. вступили в действие Временные правила о порядке выдачи китайским подданным русских билетов, устанавливающие сроки и пошлину для получения билета. Правила действовали в порядке меры по сокращению иммиграционного потока из Китая и имели локальный характер. В 1890 г. «Правила» получили законное основание. В дальнейшем билетная система служила местным властям инструментом по сдерживанию нежелательного иммиграционного потока из Китая. Сумма пошлины неоднократно повышалась, а сроки получения билета сокращались.

В 1891 г. иностранным подданным запретили приобретать земли в Амурской и Приморской областях. В начале XX в. по инициативе приамурского генерал-губернатора С. М. Духовского упразднены китайские и корейские общественные правления.

После обстрела Благовещенска отрядами ихэтуаней военный губернатор К. Н. Грибовский впервые отдал приказ о выдворении китайцев за Амур. В 1910–1912 гг. принудительное выселение китайцев с помощью воинской команды применял военный губернатор Приморской области В. Е. Флуг.

Подводя итог, отметим, что изменение политической ситуации в начале XX в. минимизировали экспансионистские стремления российских властей в Северной Маньчжурии. В контексте сохранения статуса великой державы обеспечение государственной безопасности приграничных территорий становится приоритетным направлением в деятельности местных властей. В отсутствие четко определенной позиции правительства относительно места и роли Дальнего Востока деятельность губернаторов во многом зависела от усмотрения, а не законодательства.

Список литературы

1. Дятлов В. И. Миграция китайцев и дискуссия о «желтой опасности» в дореволюционной России // Вестн. Евразии. 2000. № 1. С. 63–89.
2. Левитов И. С. Желтороссия как буферная колония. СПб.: Тип. инж. Г. А. Бернштейна, 1905. 120 с.
3. Лукоянов И. В. «Не отстать от держав...». Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в. СПб.: Нестор-история, 2008. 668 с.
4. Макуха Н. А. Отношение дальневосточной администрации к китайской колонизации Северной Маньчжурии в конце XIX – начале XX в. // Власть и управление на Востоке России. 2008. № 2(43). С. 80–85.
5. Позняк Т. З. Российская иммиграционная политика в отношении выходцев из Китая на Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX в. // Изв. Вост. ин-та. 2013. № 2(22). С. 7–25.
6. Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX в. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2004. 552 с.
7. Соколовский П. Русская школа в Восточной Сибири и Приамурском крае. Харьков, 1914. 595 с.
8. Соловьев В. С. Спор о справедливости. М.: ЭКСМО-пресс; Харьков: Фолио, 1999. 860 с.
9. Ухтомский Э. Э. Из китайских писем. СПб.: Паровая скоропечатня «Восток», 1901. 31 с.

10. Ухтомский Э. Э. К событиям в Китае. Об отношении Запада к России и Востоку. СПб. : Паровая скоропечатня «Восток», 1900. 87 с.

11. Фальборк Г. А., Чарнолуский В. И. Настольная книга по народному образованию. СПб. : Знание, 1901. Т. 2. С. 912.

12. Юрцовский Н. С. Очерки по истории просвещения в Сибири. Новониколаевск : Сиб. обл. кн. изд-во, 1923. 304 с.

Ensuring the State Security of the Border Areas in the Far East at the Turn of the XIX–XX Centuries

I. N. Mamkina

Transbaikal State University, Chita, Russian Federation

Abstract. The article deals with the issues of state security in the border areas of the Far East. The relevance of the topic is due to the change in the foreign policy doctrine of the Russian Federation, the beginning of the strategy «Turn to the East». As part of the updated strategy, the study of historical heritage will make effective use of the experience gained. The analysis of domestic historiography showed the presence of different positions on the implementation of the foreign policy of the Russian Empire in the Far East at the turn of the XIX – XX century. Russia's geopolitical interests in the region were manifested in the desire to expand the territory in the East of the Empire, its expansion and deterrence the growth of the Chinese population in the annexed territories. It is noted in the article that for the successful implementation of the geopolitical interests of the Russian Empire in the Far East, there were not enough social resources of the region. Maintaining the status of a great power required ensuring the state security of the border, accelerating the integration of the region into the common Imperial space, creating conditions for its socio-economic development. The article focuses on the activities of the local administration in the field of state security in the border areas. According to the author, the activity of the governors was the main factor ensuring the state security of the border. It is established that one of the key activities of the Supreme administration of the Amur General governorship is to establish control over the number of Chinese population in the annexed territory. On the basis of archival materials for the first time introduced into scientific circulation, the article defines a set of measures aimed at consolidating the Russian presence in the Far East. The article summarizes the experience of law-making activities of local authorities to regulate the entry, movement and residence of the Chinese population in the Far East. It is established that a wide range of organizational measures based on the discretion of local authorities were used to ensure the security of the border strip.

Keywords: Far East, China, security, border territories, governor.

For citation: Mamkina I.N. Ensuring the State Security of the Border Areas in the Far East at the Turn of the XIX–XX Centuries. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2019, vol. 29, pp. 82–90. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2019.29.82> (in Russian)

References

1. Dyatlov V.I. Migraciya kitajcev i diskussiya o “zheltoj opasnosti” v dorevolucionnoj Rossii [Chinese Migration and discussion about the “yellow danger” in pre-revolutionary Russia]. *Vestnik Evrazii* [Bulletin of Eurasia], 2000, no. 1, pp. 63–89. (in Russian)
2. Levitov I.S. *Zheltorossiya kak bufernaya koloniya* [Galtarossa as a buffer colony]. St. Petersburg, Printing house engineer's Bernstein, 1905, 120 p. (in Russian)
3. Lukoyanov I.V. “*Ne otstat ot derzhav...*”. *Rossiya na Dalnem Vostoke v konce XIX – nachale XX vv.* [“Keep up with the powers...”. Russia in the far East in the late XIX – early XX centuries]. St. Petersburg, Nestor-history Publ., 2008, 668 p. (in Russian)

4. Makuha N.A. Otnoshenie dalnevostochnoj administracii k kitajskoj kolonizacii Severnoj Man'chzhurii v konce XIX – nachale XX vv. [The attitude of the far Eastern administration to the Chinese colonization of Northern Manchuria in the late XIX – early XX centuries]. *Vlast i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and management in Eastern Russia], 2008, no. 2 (43), pp. 80-85. (in Russian)
5. Poznyak T.Z. Rossijskaya immigracionnaya politika v otnoshenii vyhodcev iz Kitaya na Dalnem Vostoke vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. [Russian immigration policy in respect of immigrants from China in the far East during the second half of XIX – early XX century]. *Izvestiya Vostochnogo instituta* [News of the Eastern Institute], 2013, no. 2(22), pp. 7-25. (in Russian)
6. Remnev A.V. *Rossiya Dalnego Vostoka. Imperskaya geografiya vlasti XIX – nachala XX vv.* [Russia of the Far East. Imperial geography of power XIX-early XX centuries]. Omsk, Publishing house of Omsk state University, 2004, 552 p. (in Russian)
7. Sokolovsky P. *Russkaya shkola v Vostochnoj Sibiri i Priamurskom krae* [The Russian school of Eastern Siberia and the Amur region]. Harkov [Kharkov], 1914, 595 p. (in Russian).
8. Solov'ev V.S. *Spor o spravedlivosti* [The Dispute about justice]. Moscow, EKSMO-press Publ., Kharkov, Folio Publ., 1999, 860 p. (in Russian)
9. Uhtomskij E.E. *Iz kitaiskikh pisem* [From Chinese letters]. Saint-Petersburg, Parovaya skoropechatnya “Vostok” Publ., 1901, 31 p. (in Russian)
10. Uhtomskij E.E. *K sobitijam v Kitae. Ob otnoshenii zapada k Rosii I vostoku* [To events in China. On the attitude of the West to Russia and the East]. Saint-Petersburg, Parovaya skoropechatnya “Vostok” Publ., 1900, 87 p. (in Russian)
11. Falbork G.A., Charnolusky V.I. *Nastolnaya kniga po narodnomu obrazovaniju* [Handbook of folk education]. Saint-Petersburg, Znanie Publ., 1901, vol. 2, pp. 912. (in Russian)
12. Yurcovskij N.S. *Oчерки по истории просвещения в Сибири* [Essays on the history of education in Siberia]. Novonikolaevsk, Siberian regional book publishing house, 1923, 304 p. (in Russian)

Мамкина Инна Николаевна

кандидат исторических наук, заведующая,
кафедра теории государства и права
Забайкальский государственный
университет
Россия, 672007, г. Чита, ул. Чкалова, 140
тел.: 8(3022)26-72-18
e-mail: mail@zabgu.ru

Mamkina Inna Nikolayevna

Candidate of Sciences (History), Head,
Department of Theory of State and Law
Transbaikal State University
140, Chkalov st., Chita, 672007,
Russian Federation
tel.: 8(3022)26-72-18
e-mail: mail@zabgu.ru